

on the analysis of scientific literature and periodicals, the activity of the Taurida Society and benefactors participation in it are studied; the causes of weak activity in Taurida Society are identified; ways of improving its functioning are considered. It can be the subject of attention of educators and will allow uniting in practice the positive achievements of the past and the advanced tendencies of modern scientific and pedagogical thought.

Key words: Taurida Mutual Assistance Society, benefactors, a board, Zemstvo and city self-government bodies, membership fee.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриевский Ф. Н. Статистический справочник Таврической губернии. [Статистический очерк Таврической губернии со списком населенных пунктов по уездам] / сост. Ф. Н. Андриевский; под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь: Типография Таврич. губ. Земства. – 1915. – 695 с.

2. Ведомственные библиотеки Симферополя XIX – начала XX веков // Культура народов Причерноморья. – 2007 – № 98. – Т. 2. – С. 30–35.

3. Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. – М.: Задруга, 1915. – 96 с.

4. Некоторые итоги по статистике народного образования // Вестник Таврического земства: еженедельная газета / ред. Я. Т. Харченко. – Симферополь: Таврическая губерния. – 1903. – № 2. – С. 44–49.

5. О выписке педагогических журналов // Таврический народный учитель. – 1907. – № 6. – С. 7–8.

6. Очередное XXXVIII собрание Феодосийской земской управы // Вестник Таврического земства. – 1903. – № 9. – С. 65–71.

7. Очередное XXXVIII собрание Симферопольской земской управы // Вестник Таврического земства. – 1903. – № 11. – С. 53–64.

8. Член-соревнователь: [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.11 2019).

9. Шаргородский Г. Взаимопомощь и благотворительность. К вопросу о жизнедея-

тельности Таврического общества взаимного вспомоществования учащим и учившим // Вестник Таврического земства. – 1903. – № 2 (июль). – С. 43–52.

10. Шаргородский Г. Взаимопомощь и благотворительность. К вопросу о жизнедеятельности Таврического общества взаимного вспомоществования учащим и учившим // Вестник Таврического земства. – 1903. – № 3 (август). – С. 43.

А. В. Миронов

УДК 37.03 + 177.7

ТОВАРИЩЕСТВО КАК МОРАЛЬНЫЙ ТРЕНД УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Характер коммуникационных связей, установившихся в социуме, определяет эффективность сотрудничества между гражданами в решении общезначимых задач, стоящих перед государством. Особенно актуальна эта проблема в молодежной среде, когда в процессе формирования отношений со сверстниками, другими возрастными группами и с обществом в целом конструируются мировоззренческие модели, включающие ценностные ориентиры межличностного взаимодействия. В дальнейшем они переходят в профессиональную среду в виде корпоративных принципов, которые становятся стимулом воспитания позитивных качеств, задают цели личностного роста, корректируют гражданскую позицию.

В условиях нарастания социальных проблем, внешних вызовов исследование коммуникационных трендов приобретает особое значение, так как в них представлен потенциал социальной взаимопомощи, содействующий общественной консолидации. Анализ исторических особенностей становления феномена товарищества как формы моральных связей в среде учащихся прошлого века позволяет получить результаты, которые могут быть использованы в процессе становления нравственной парадигмы современной молодежи, опирающейся на опыт предыдущих поколений.

Целью данного исследования является: определение специфики товарищеских отношений и выделение социальных, культурных, профессиональных особенностей товарищеских связей в учебном сообществе.

В работе используется метод историко-сравнительного анализа, с помощью которого устанавливается взаимосвязь моральных положений, входящих в понятие товарищества, и социальных условий, инициирующих его возникновение и развитие. В качестве материалов исследования привлекаются произведения художественной литературы, посвященные данной тематике, и биографические воспоминания соответствующего периода. Временной период исследования выбран с учетом переломных событий XIX и начала XX века в Российской империи.

Среди форм межличностных общественных отношений: дружбы, приятельства, партнерства, сотрудничества выделяется феномен товарищества. Он обусловлен следующими обстоятельствами: а) общими условиями жизнедеятельности; б) общностью взглядов, мотивированной совокупностью ценностных установок, определяющих контакты как внутри конкретной группы, так и с социальным окружением; в) совместными целевыми устремлениями; г) потребностью индивида в образцах адаптации с коллективной средой через признание конкретной поведенческой модели. Ракурсы реализации чувства товарищества определяются основополагающими для индивида критериями оценивания собственной личности. На определенных этапах

жизни это чувство испытывает влияние следующих факторов: место, ситуация, временной отрезок, возрастные параметры, которые формируют особенности его проявления (фронтное товарищество, профессиональное, политическое товарищество, товарищество по интересам и увлечениям и другие).

Данную коммуникационную форму можно рассматривать как один из модусов социализации человека, содержащих набор нравственных положений, отвечающих требованиям корпоративного объединения. В ней представлены обязательства, права, способы разрешения проблемных ситуаций, абсолютные запреты, средства контроля, виды группового порицания и одобрения. Солидарность, существующая в данном союзе в статусе приоритета, является условием включенности индивида в круг «своих». Товарищество как устойчивая взаимосвязь между представителями одного коллектива принимает апробированную предшествующими поколениями модель ценностных ориентиров, способствующую возникновению атмосферы доверия и согласия. Основной категорией данных моральных взаимоотношений является поступок, направленный к благу всех членов сообщества, разделяющих коллективную ответственность. Традиции, ритуалы, сформировавшиеся в товарищеской среде, изменялись в соответствии с историческими обстоятельствами, оставляя в качестве константы чувства сопереживания, верности, дружества.

Отличительной чертой учебного процесса в России в первой половине XIX века являлся жесткий контроль государства в образовательной сфере, противостояние с которым способствовало развитию личностных взаимоотношений между учащимися [1]. В товарищеских связях концентрировались эмоциональные порывы, альтернативные по содержанию с официальными предписаниями. Возрастные рамки военного и статского обучения (кадетские корпуса – казенные гимназии, юнкерские училища – университеты) совпадали, но в силу представленных возможностей коммуникационного поля имели свои особенности, что отражалось на пони-

мании товарищеского долга и принятых на себя обязательств по его выполнению. Система кадетских корпусов объединяла образовательную и воспитательную функции с целью подготовки будущих защитников престола, обладающих следующими качествами: дисциплинированностью, верностью присяге, представлениями о чести мундира. Референтом этих требований являлось формирование моральных принципов – выдержки, групповой взаимопомощи, способности к ограничению эгоистических проявлений, стойкости в испытаниях, которые приобретались в результате взаимодействия со сверстниками, под их жестким контролем.

Переход в детском и подростковом возрасте от семейного воспитания к жесткой регламентации казенного учреждения изменял сложившиеся стандарты поведения, ценностные приоритеты, восприятие других. Так как свидания с родными были ограничены каникулярным временем (даже в тех случаях, когда они проживали в том же городе, где находился кадетский корпус), то кадетская среда выступала заменой семьи, а чувство родственных привязанностей переносилось на товарищей. Эта система взаимоотношений являлась опорой подростка, обладая широким диапазоном форм воздействия на внутренний мир личности, находящейся в процессе становления.

Серьезной проблемой адаптации подростков к новым условиям представлялось изначальное неравенство кадетов, поступающих в корпус (материальное, титульное, в некоторых случаях и сословное). Чувство товарищества в такой ситуации служило общепризнанным основанием коммуникационных связей и препятствовало проявлению социальных конфликтов. Позиционирование богатства, знатности, придворных связей воспринималось большинством как нарушение установленных традиций, подразумевающих неформальное равенство. Привилегии, даруемые социальным статусом, нивелировались общественным мнением, рассматривающим личность через ее действия, которые отражались на других воспитанниках. Проявление

чувства зависти купировалось обязательным для всех правилом, имевшим место в военно-учебных заведениях: располагать личными средствами было запрещено. Такая ситуация инициировала поиск кадетами вариаций личностного предьявления в иных сферах: учеба, игры, проказы, но при этом основной акцент восприятия другого оставался неизменным – выполнение товарищеских обязательств. Они не ограничивали индивидуальные способности, но в них было заложено жесткое требование – соблюдение коллективной солидарности, выраженное в постоянной готовности оказать помощь и поддержку каждому члену сообщества нуждающемуся в ней.

Открытость личностного пространства кадета, обусловленная постоянным совместным времяпрепровождением, мотивировала окружающих к оцениванию индивида, используя в качестве критерия соответствие поступков товарищескому кодексу поведения. Иерархия морального осуждения выстраивалась с учетом потенциального ущерба, наносимого коллективу [9, с. 48]. Презрения заслуживали «доносчики, ябеды, наушники», их действия оборачивались телесными наказаниями (в первой половине XIX применяемые в кадетских корпусах независимо от возраста и социального положения) и иными дисциплинарными взысканиями. Выдать товарища означало совершить предательство не только по отношению к конкретному воспитаннику, а продемонстрировать сознательное отступление от корпоративного духа: «...таких кадет все чуждались, и никто не говорил с ними как в роте, так и в классе. И такое отчуждение продолжалось не недели и месяцы, а годы; провинившейся получал прощение только по принесении публичного раскаяния и сознания в совершенной им вине» [3, с. 54–55; 4, с. 147]. Подобные поступки рассматривались с точки зрения будущей военной службы и получали интерпретацию в понятиях измены принятой присяге.

Подобострастие и угодливость перед начальством (прозванные кадетами «искательство»), направленные на получение незаслу-

женных предпочтений, считались нарушением принципа справедливости в распределении наград и поощрений, что трактовалось как излишнее себялюбие [7; 8, с. 232]. Официальное мнение относительно успехов и индивидуальных качеств того или иного кадета часто не совпадало с вердиктами, вынесенными средой сверстников. Данное расхождение объясняется тем, что котировка личности производилась исходя из различных критериев. Кадетская среда абсолютизировала товарищеские проявления: бескорыстную помощь, милосердие к пострадавшим, отзывчивость, готовность прийти на выручку, что формировало нравственную требовательность подростка к себе, ориентированную на признание коллективом в качестве «своего». Несходство в интересах, взглядах, увлечениях между кадетами и юнкерами не могли служить препятствием к оказанию товарищеской поддержки. Каждый, кто не был замечен в постыдных поступках в отношении товарищей, имел право на коллективное содействие и защиту.

Показателен случай предоставления помощи нуждающимся в ней: во время восстания декабристов воспитанники 1-го кадетского корпуса приняли спасающихся солдат, оказавшихся на территории их расположения, перевязывали раны, предоставили кров, поделились едой, чем заслужили гнев и немилость императора Николая I. Отказаться в подобном (даже бежавшим бунтовщикам) значило нарушить товарищеский кодекс: слабые и беспомощные переставали быть врагами.

Важно отметить, что социальный состав воспитанников кадетского корпуса в подавляющем большинстве (первая половина XIX века) был представлен выходцами из дворянского сословия. Принципы дворянской чести, полученные в результате семейного воспитания, автоматически переносились в среду учащихся военных заведений и во многом определяли характер взаимоотношений. К межличностной солидарности добавлялась сословная солидарность, что упрощало оценку поступков, исходящую из фундаментальных понятий дворянской самоидентификации. Совершенство моральных положений, составляю-

щих феномен товарищества в такой ситуации: щедрость, мужество, благородство, верность данному слову, готовность оказать поддержку человеку своего круга совпадали с представлениями о товарищеском долге, утвердившимися в кадетской среде. Подростковые и юношеские проказы не должны были переходить границы дворянского кодекса чести.

Товарищеские взаимоотношения в молодежной среде военных училищ выступали приоритетным началом в коммуникационном поле, так как их влияние на учащихся было эффективнее официального контроля по диапазону форм воздействия и эмоциональной насыщенности. Они включали весь спектр переживаний, свойственный данному возрастному периоду: чувства привязанности, юношеские порывы, отражали идеалы и представления о должном, формировали стандарты благородства, достоинства, жертвенности среди воспитанников с учетом дальнейшего поприща – защиты Отечества. В нравственном становлении подросток ориентировался на самосовершенствование с учетом заинтересованности в коллективных результатах деятельности (совместные испытания, достижения, переживания поражений). Кадетская общность с ее устойчивыми моральными взаимосвязями корректировала понимание индивидом личной ответственности за другого члена коллектива. Неформальная воспитательная модель корпорации (таковой можно считать кадетский корпус) становилась определяющей доминантой, в которой интеллектуальные, спортивные и иные успехи напрямую увязывались с индивидуальными проявлениями товарищеских чувств и поступков. Выделенные окружением ценностные акценты во взаимоотношениях со сверстниками определяли нравственное развитие будущего офицера в соответствии с полученным в период обучения стандартом «хорошего товарища».

В первой половине XIX века в России статус офицера в общественном мнении имел исключительный характер: героика наполеоновских войн, опека императорской фамилией военных заведений, угроза потенциальных конфликтов, что отождествляло военное сосло-

вие с понятиями мужества и благородства. Для всех слоев общества военная служба являлась «социальным лифтом» (даже в тех случаях, когда ее продолжительность была крайне незначительной: оставались устойчивые связи, знакомства, обеспечивающие решение неформальных вопросов социальной актуализации). В пореформенное время изменяются правила приема в военно-учебные заведения (к дворянскому сословию относилось меньше половины воспитанников [10, с. 36]). В таких условиях товарищество становится универсальной формой ценностной ориентации, обусловленной только личностными качествами человека, так как устраняются разделяющие общественные барьеры.

После Великих реформ быстрый рост промышленности, развитие финансового сектора, технологические новации стимулировали интерес молодежи к получению образования в гражданских учебных заведениях (гимназии, реальные училища, университеты) [13, с. 67–77]. Специфика гражданского образования, в отличие от военного, определялась большей свободой самореализации (домашнее проживание, право выбора учебного заведения, сдача экзаменов экстерном, возможности индивидуального досуга), которая обуславливала самостоятельность и независимость личности. Процесс обучения предполагал тесные контакты учащихся при освоении наиболее трудных предметов. Жесткая требовательность преподавателей к получаемым знаниям стимулировала необходимость в обсуждении возникающих интеллектуальных проблем. Данное обстоятельство мотивировало юношей к открытой коммуникации со сверстниками, переходящей в личностный диалог, не ограниченный учебными потребностями [11, с. 230]. Стремление к самообразованию, популярному в юношеской среде, присущее периодам технических и социальных преобразований, предполагало разносторонние интеллектуальные запросы. Обсуждение прочитанных книг, совместное времяпрепровождение, коллективное переживание значимых событий закладывали основы товарищеских взаимоотношений, регулируемых моральными правилами, принятыми в данном круге.

Идея студенческого братства сложилась в России во второй половине XIX века в результате резкого увеличения студенческого контингента, автономии университетов, снятия сословных ограничений на поступление в высшие учебные заведения. Разночинный состав данной социальной группы нуждался в устойчивой поведенческой модели, отвечающей веяниям времени и объединяющей молодое поколение на основе общности ценностных установок (социальных, политических и моральных). Скрепляющим сообщество фактором являлся мифологизированный концепт о неразделимости «бывших» и нынешних студентов, опирающийся на абсолютизацию принципов товарищества [2, с. 418–423]. Доминанта традиций определяла поведенческие эталоны взаимоотношений, побуждая каждое новое поколение осваивать не только сферы их приложения, но и формировать новые. Эти принципы переносились в последиplomную жизнь выпускников университета, оставаясь для них нравственной парадигмой личностного развития, и воздействовали на моральные нормы образованного сообщества.

Социальные и материальные возможности учащегося гимназии или студента университета были представлены в более наглядной форме, чем у воспитанников кадетских корпусов или юнкерских училищ, что становилось основанием для пересмотра ценностных приоритетов в межличностной коммуникации. Существовавшие в обществе статусные паттерны трансформировались молодым поколением в контакты, основанные на демократических принципах интеллигентской среды. Стремление к преодолению национальных, религиозных, материальных барьеров в восприятии другого (что являлось одним из принципов гражданского общества) стимулировало использование нравственных критериев в оценивании индивида: отзывчивость, готовность к взаимопомощи, верность данному слову, стойкость перед начальством. Студенты университетов были вынуждены совместно выживать в трудных условиях безденежья, объединяясь в своеобразные коммуны с общим имуществом, обязанностями, правилами

общежития. Поиск заработков, общий кров, взаимное использование вещей, учебников, студенческой формы, совместные траты и развлечения сближали сверстников, формируя новый тип отношений, характеризующийся готовностью прийти на помощь в случае необходимости и разделить возникшие трудности. В этом контексте товарищество становилось формой выживания студенческой молодежи, раздвигая границы переживаемых эмоциональных спектров коммуникации: чувства благодарности, открытости, признательности [6, с. 278]. Столь тесное взаимодействие способствовало раскрытию сущностных качеств человека. Демонстрируемое тщеславие, снобизм подвергались обструкции со стороны товарищеского окружения, принцип морального равенства доминировал во взаимоотношениях учащейся молодежи как следствие демократических взглядов, утвердившихся в интеллигентской среде.

Склонность этой возрастной группы к сплоченности, потребность в выражении общих позиций, мотивировали гимназистов и студентов к поиску коллективных форм самореализации. Если в средних учебных заведениях, как правило, ограничивались созданием кружков самообразования, то в студенческой среде данная тенденция охватывала широкий диапазон приложений: учреждение касс взаимопомощи, бесплатных столовых для нуждающихся, просветительских обществ, культурных проектов, в которых принимали участие многие учащиеся. Земляческие объединения, возникающие в крупных университетских городах, выполняли адаптивную функцию для бывших гимназистов, формируя принцип товарищеской преемственности, которая заключалась в передаче необходимых ценностных установок (от житейских до мировоззренческих) для ориентации в новом пространстве. Игнорирование коллективных проблем, дистанцирование от них являлось знакомым обозначением сознательного индивидуализма и влекло за собой разрыв отношений со студенческой общностью. Такой тип позиционирования личности воспринимался как неуважение к товариществу как связующей основе корпоративного существования.

Протестные настроения в российском обществе во второй половине XIX века – начале XX века усиливались, и студенчество принимало самое активное участие в революционной деятельности. Она варьировалась от борьбы за собственное достоинство с произволом гимназического и университетского начальства до поддержки политических платформ нелегальных партий [12]. В политизированном социуме чувство товарищества предполагало принципиальное совпадение взглядов, основным посылом которых являлся критический настрой к властным структурам. Культивирование товарищеских отношений оборачивалось ригоризмом к иной идейной позиции. Помощь преследуемому государством за революционную деятельность студенту входила в число основных требований товарищеского кодекса, как и непосредственное участие в массовых студенческих выступлениях. Отказ от содействия протестным действиям трактовался как предательство, трусость, карьеризм; личные убеждения при этом не принимались в расчет. Наполненность учебных заведений выходцами из мещанской и крестьянской среды обуславливала перенос общинных ценностей, прежде всего, коллективной солидарности, приумноженной атмосферой противостояния образованного круга с государством. Демаркационная граница, разделяющая сообщество на «своих» и «чужих», выстраивалась исходя из политической парадигмы: моральные качества индивида рассматривались только в контексте критического отношения к самодержавию [5, с. 143]. Товарищество противопоставлялось идейному отступничеству, ассоциирующемуся с мещанским эгоизмом. Борьба за освобождение обездоленных совпадала с нравственным ценностным каркасом, принятым в студенческой среде – стремлением помочь, содействовать, принять на себя часть проблем, сопереживать тому, кто в этом нуждался. Поиск учащейся молодежью коллективной структуры, объединяющей подвижнические идеалы и цели, оборачивался уходом в нелегальную деятельность, связанную с переустройством социума на основе новых мораль-

ных принципов, что можно интерпретировать как стремление придать человеческой коммуникации моральные черты взаимопонимания, поддержки, взаимопомощи, с которыми соприкоснулись в кругу товарищей по гимназии или университету.

Процесс апробации коммуникационных связей (дружба, товарищество, привязанности, причастность к сообществу), реализуемый в период становления личности, стимулировал выбор моральных ориентиров, которые, в свою очередь, определяли мировоззренческую позицию учащихся. Товарищество рассматривалось как открытое взаимодействие сверстников, включающее интеллектуальное, эстетическое, нравственное, политическое общение, соответствующее социальной ценностной парадигме. Взаимопомощь, жертвенность, чувство ответственности за сообщество выстраивали коллективную модель восприятия социального мира, что отразилось в политических конфликтах XX века.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности становления и генезис феномена товарищества, представленного в учебных заведениях России в XIX – начале XX века. Анализируются исторические причины, повлиявшие на развитие данного коммуникационного тренда. Акцент исследования сделан на понимание товарищества как модуля социализации в период нравственного самоопределения личности. Данная проблема раскрывается через сравнительное сопоставление форм реализации товарищества в военных и гражданских учебных заведениях, что позволяет проследить его влияние на формирование ценностной профессиональной парадигмы.

Ключевые слова: товарищество, коммуникационный тренд, солидарность, взаимопомощь, модус социализации, самоидентификация.

SUMMARY

The article discusses the features of the formation and Genesis of the phenomenon of partnership, presented in educational institutions of Russia in the XIX-early XX century. The historical reasons that influenced the develop-

ment of this communication trend are analyzed. The focus of the study is on the understanding of camaraderie as a mode of socialization in the period of moral self-determination of the individual. This problem is revealed through a comparative comparison of forms of realization of partnership in military and civil educational institutions, which allows us to trace its influence on the formation of the value professional paradigm.

Key words: partnership, communication trend, solidarity, mutual assistance, mode of socialization, self-identification.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздин И. Н. Университеты в России в первой половине XIX века // История России в XIX веке. Дореформенная Россия (1800–1840) / изд. А. Н. Гранат, И. Н. Гранат. Собр. соч. в 9 т. – СПб., 1907–1908. – Т. 2. – С. 349–379.
2. Бокова В. М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 540 с.
3. Волков С. В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 2003. – 399 с.
4. Гарин-Михайловский Н. Г. Гимназисты. – М.: Советская Россия, 1988. – 288 с.
5. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. – Ленинград: Художественная литература, 1988. – 480 с.
6. Краснов П. Н. Воспоминания о русской императорской армии. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 608 с.
7. Куприн А. И. На переломе. – Собр. соч. в 9 т. – М.: Художественная литература, 1971. – Т. 3. – С. 7–73.
8. Куприн А. И. Юнкера. – Собр. соч. в 9 т. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 8. – С. 202–427.
9. Лесков Н. С. Кадетский монастырь // А. И. Куприн. Собр. соч. в 12 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 46–79.
10. Ольшевский М. Я. Из воспоминаний // Воспоминания выпускников военных училищ / сост. В. Богданова. – М.: Родина, 2018. – С. 48–65.
11. Толстой Л. Н. Отрочество // Избранные произведения. – М.: Детская литература, 1977. – С. 155–229.

12. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.

13. Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. – М.: Молодая гвардия, 2012. – С. 67–77.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ
И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

